

Цин Чэн нес на плече Е Цзымина — того самого легендарного будущего правителя Государства Цзян — и наконец добрался до заброшенного домика неподалеку от городской стены. Судя по слою пыли, им не пользовались уже очень давно. Кое-как расчистив место для ночлега, Цин Чэн на мгновение задумался, но все же снял с Е Цзымина блокировку снотворной точки. Из-за тряски в пути тот спал очень беспокойно, и стоило воздействие на точку исчезнуть, как он тут же открыл глаза.

Цин Чэн самыми простыми словами объяснил, что пришел его спасти, после чего без лишних церемоний повалился на кучу соломы и закрыл глаза:

— Выдвигаемся на рассвете. Спи.

— Ты что, только ради этого вытащил меня среди ночи? Я должен был спать в своей мягкой и теплой постели. Тебе что, заняться нечем? Посреди ночи похищать людей и при этом вести себя так, будто совершаешь благородный поступок? И ты называешь это отдыхом? До рассвета осталось всего пара часов! После такой суматохи кто вообще сможет уснуть? — Е Цзымин ворчал, с крайним недовольством глядя на Цин Чэна, который уже погрузился в медитацию.

— Ты закончил? Если да, то води себя тише. Если не хочешь спать, то я хочу, — холодно ответил Цин Чэн, перевернулся на другой бок, спиной к Е Цзымину, и перестал обращать на него внимание.

Е Цзымин сердито уставился на спину Цин Чэна, но в конце концов снова лег. Несмотря на раздражение, он довольно быстро уснул. В последнее время его постоянно клонило в сон, словно сил не хватало, сколько бы он ни отдыхал.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда Цин Чэн разбудил Е Цзымина, сунул ему в руки одежду и велел немедленно переодеться и собираться в путь.

— Да ты издеваешься! Это же женское платье! Ты, извращенец, у тебя что, такие наклонности? — разразился Е Цзымин, увидев, что у него в руках.

— Тише. Какая разница, женское или нет? Надень это, так будет проще выйти из города. Или ты хочешь остаться в Государстве Маньлин и через три дня превратиться в труп? — низкий голос Цин Чэна заставил Е Цзымина мгновенно замолчать.

Выйдя из лачуги, завуалированный Е Цзымин застыл в изумлении. Перед ветхой дверью стоял роскошный паланкин, а по бокам, почтительно склонившись, замерли шесть носильщиков.

— Эй, это еще что такое? — прошептал Е Цзымин, приближаясь к Цин Чэну.

— Это средство передвижения, подготовленное для вас. Прошу прощения за вчерашний испуг. А теперь прошу немедленно занять место в паланкине, госпожа, нам пора в путь, домой, — Цин

Чэн склонил голову и намеренно громко и почтительно произнес эти слова.

— Меньше говори. Если возникнут проблемы — я сам решу, — тихо добавил он, помогая переодетому в женщину Е Цзымину забраться в паланкин.

— Прошлой ночью на нас напали разбойники, и третьей супруге семьи Чжоу пришлось задержаться в этом злополучном месте. Теперь госпожа возвращается домой навестить родных, надеюсь на ваше содействие, — именно эти властные слова услышал Е Цзымин изнутри паланкина, и почему-то на душе у него стало спокойнее.

Однако у городских ворот они столкнулись с трудностями. Стражник, осмотрев жетон семьи Чжоу, настоял на том, чтобы лично увидеть супругу, прежде чем пропускать паланкин. Цин Чэн был недоволен и уже обдумывал, не прорваться ли силой, если договориться не выйдет.

Стражники, видя, что человек в паланкине медлит и не показывается, начали проявлять нетерпение. Цин Чэн только собрался что-то сказать, как вдруг получил сильный пинок. К счастью, чтобы изображать дородного управляющего, он подложил под одежду на животе немало ткани, да и природная ловкость помогла ему избежать травм.

— Уважаемый воин, если вы покалечите моего слугу, кто же будет выполнять его работу? Может, вы сами хотите занять его место? — из паланкина донесся чистый, но властный женский голос. Затем полог приподнялся, и взору присутствующих предстали прекрасные, полные достоинства глаза. Хотя лицо было скрыто, по одному этому чистому взгляду можно было представить, какая красота прячется под вуалью.

Цин Чэн на мгновение опешил, но быстро взял себя в руки, продолжая стоять с опущенной головой и согнутой спиной, сохраняя вид почтительности. Если бы вокруг ворот не затаилось столько тайных стражей, из-за чего прорваться силой было почти невозможно, он бы ни за что не пошел на подобное унижение. Старый дурак, ни одно его задание не обходилось без таких выходов.

Второй стражник подошел ближе и почтительно поклонился:

— Благодарим госпожу за щедрое вознаграждение, полученное пару дней назад. Прошу прощения за дерзость, госпожа, надеюсь на ваше великодушие.

Он махнул рукой, приказывая пропустить их, и преграды были быстро убраны.

Вдвоем они благополучно покинули Столицу Государства Маньлин. Спустя четверть часа, отпустив носильщиков, они тут же переоделись в удобную дорожную одежду и продолжили путь.